

После проведения презентации телефон на рабочем столе Чжэн Пина стал звонить без остановки, словно обезумевший. Бесчисленное количество людей звонили, чтобы узнать подробности или даже зарезервировать технических рабочих. Чжэн Пин буквально не выпускал трубку из рук, а Хань Чжицзюнь, принимая заводское руководство, довел себя до состояния, когда горло пересохло, а чай и заварка закончились. Все больше людей приходило в посредническое бюро, и Чжэн Пин с Хань Чжицзюнем уже не справлялись с потоком. Каждое утро в семь тридцать они уже были на месте, а возвращались только к девяти-десяти вечера.

Контракты подписывались один за другим, и вскоре в записной книжке Чжэн Пина не осталось ни одного свободного технического рабочего!

И тут вдруг выяснилось, что рабочих больше нет!

Вечером, когда семья сидела во дворе, наслаждаясь прохладой, они обсуждали эту ситуацию со смесью смеха и слез. Чжэн Хайян, держа за руку Хань И, тащил его к центру циновки и с наивным выражением лица спросил:

— Папа, а почему к вам больше не идут рабочие?

Эти слова заставили Хань Чжицзюня и Чжэн Пина мгновенно перестать смеяться. Они переглянулись и одновременно хлопнули в ладоши:

— Точно! Мы можем начать набирать рабочих! Пусть они сами к нам приходят.

И вот на улицах центра провинции и у ворот различных заводов начали появляться маленькие листовки с объявлениями от «Посреднического бюро Иян», в которых туманно упоминалась высокая зарплата и возможность совмещать с основной работой.

Постепенно термин «технический работник на выходные» стал модным словечком в провинции. Старые представления, казалось, изменились в одночасье. Технические рабочие, ранее запертые в государственных заводах, начали выходить на рынок труда, а мелкие предприятия, получив доступ к их навыкам, начали быстро развиваться.

Чжэн Пин, бывший когда-то простым техническим рабочим из маленького городка, теперь стал «маленьким руководителем» в белой рубашке и с портфелем. Его трансформация была очевидной. Благодаря постоянному общению с людьми, его кругозор и знания значительно расширились, а характер стал более смелым и уверенным. Его манеры общения также изменились. Дедушка Чжэн и бабушка Чжэн с грустью вздыхали, наблюдая за этим. Их второй сын изменился до неузнаваемости, и это ясно показывало, что окружение действительно может изменить человека.

Что касается Чэн Баоли, то после переезда из родного города она почти не изменилась. Она по-прежнему усердно работала, готовила, занималась детьми и стиркой, словно ее жизнь осталась прежней. Единственное, что действительно изменилось, — это то, что она стала более открытой и уверенной в себе.

И действительно, размышляла она, теперь у нее не было проблем с родственниками, а муж стал совсем другим. Каждый день приносил новые надежды, и жизнь постепенно двигалась в лучшую сторону.

Однако жизнь не всегда идет гладко. Если бы все было идеально, это было бы не жизнь, а сон.

Маслозавод, на котором сейчас работал дедушка Чжэн, был организован по системе подряда

директора, что было вполне понятно. Однако в то время государственным заводам было довольно сложно развиваться, так как в вопросах власти и ответственности существовал еще и «секретарь партии».

Хотя директор отвечал за завод, у него был равный по статусу «секретарь партии». Это было похоже на ситуацию, когда через десять лет в крупной компании появилось бы два генеральных директора, управляющих на равных. Такое положение дел неизбежно приводило к конфликтам и проблемам.

Ху Чэн, нынешний директор завода и старый товарищ дедушки Чжэна, явно не ладил с «секретарем партии» Лю Гонунуном. Они были одного возраста, но их взгляды на жизнь сильно различались.

Ху Чэн хотел развивать завод и зарабатывать деньги, считая это первоочередной задачей. Однако Лю Гонун считал, что Ху Чэн превратил завод в «неприличное частное предприятие», разрушив его государственный статус.

Когда дедушка Чжэн только пришел на завод, он участвовал в руководящих совещаниях вместе с Ху Чэном. Лю Гонун стучал кулаком по столу, критикуя Ху Чэна. Позже, когда дедушка Чжэн и Ху Чэн повысили эффективность завода, Лю Гонун начал насмехаться над ними, держа в руках чашку чая. Лю Гонун обожал ходить по заводу с важным видом, заставляя работников писать отчеты о своей идеологической работе или посещая городские совещания. Для дедушки Чжэна и его коллег Лю Гонун был человеком, который ничего полезного не делал, а только устраивал совещания и показывал свою власть. Рабочие его тоже не любили.

Ху Чэн не был местным, его семья осталась в родном городе, и он жил в общежитии для работников завода, ничем не отличаясь от обычных сотрудников. Лю Гонун тоже жил на заводе, но в отдельном двухэтажном доме с двором, где жили три поколения его семьи. Его внуку было уже пять лет, и он был непослушным маленьким толстяком.

Когда дедушка Чжэн только переехал на завод, он тоже жил в общежитии. Позже, когда стало известно, что приедут его сын и друзья, а также две женщины и двое детей, Ху Чэн решил, что это неудобно, и выделил дедушке Чжэну отдельный дом с двором. Это был обычный одноэтажный дом, окруженный забором, что было удобно для женщин и детей.

Когда они переехали, Лю Гонун был недоволен. Он назвал Ху Чэна «коррупционером», обвинив его в том, что тот вывел государственные ресурсы за пределы системы.

Раньше Ху Чэн не обращал внимания на слова Лю Гонуна, но на этот раз он начал кричать в ответ:

— Следи за языком! Этот дом находится на самом краю завода, он в ужасном состоянии, летом там полно комаров, а зимой холодно. Ты бы сам туда переехал?

Лю Гонун нахмурился:

— Но это все равно собственность завода! Это заводской дом, и его нельзя отдавать посторонним!

Ху Чэн, как бывший солдат, не смог сдержаться и начал ругаться:

— Твою мать! Я живу в общежитии для рабочих, и даже если этот дом был выделен мне, я отдал его им, понятно? Ты живешь в двухэтажном доме, так что тебе жаловаться? Если тебе не

нравится, иди живи в этот домик! И еще, моя семья в родном городе, а твоя вся здесь, но кто из твоих сына, невестки или внука работает на заводе? Ты закончил свои придирки?

Лю Гонун замолчал, но позже все же наведался в дом, где жил Чжэн Хайян. В тот момент мужчин дома не было, только Чэнь Линлин с двумя детьми.

Лю Гонун стоял у ворот, держа руки за спиной, с видом важного начальника. Он оглядел двор и сказал Чэнь Линлин:

— Это неправильно. Ведь завод государственный, и двор тоже государственный.

Чэнь Линлин, сидя на маленьком стуле у двери, усмехнулась:

— Ой, а разве на кирпичной стене завода не написано «Рабочие — хозяева завода»?

Эти слова заставили Лю Гонуну позеленеть.

После этого Лю Гонун стал периодически приходить, всегда в те моменты, когда мужчин не было дома, только женщины с детьми. К тому времени Хань Чжицзюнь и Чжэн Пин уже думали о переезде, так как считали, что женщинам и детям неудобно жить на заводе, где большинство сотрудников были мужчинами. Кроме того, они беспокоились, что дедушке Чжэну будет неловко.

Но переезд требовал времени, а Лю Гонун продолжал приходить, что было очень неудобно для женщин. Дедушка Чжэн поговорил с Ху Чэном, объяснив, что они скоро переедут, и попросил немного времени. Ху Чэн передал это Лю Гонуну, но тот начал приходить еще чаще, словно торопя их с переездом.

Чжэн Пин и Хань Чжицзюнь разозлились. Они не пошли в посредническое бюро, сняли рубашки, сели во дворе и начали точить ножи, громко скрежеща камнем. Лю Гонун, стоя у ворот, увидел двух крупных мужчин, сидящих в тени и точащих ножи, и от страха чуть не упал.

Мужчины за последнее время загорели до темного оттенка, а пот стекал по их лицам, пока они точили ножи. Когда они встали с холодными лицами и повернулись к воротам, их вид был поистине устрашающим. Чжэн Пин, держа нож, резко повернулся к воротам и грозно спросил:

— Чего тебе?!

Лю Гонун, споткнувшись, в панике побежал прочь.

Хань Чжицзюнь бросил нож в таз с водой, брызги разлетелись в разные стороны. Он вытер руки тряпкой. С такими людьми, как Лю Гонун, бесполезно спорить. Даже такие разумные люди, как дедушка Чжэн и Ху Чэн, не могли найти с ним общий язык, что только подчеркивало его эгоизм и самолюбие.

Если он хотел, чтобы они переехали, почему он не сказал это мужчинам? Зачем приходить, когда мужчин нет, и докучать женщинам? Хань Чжицзюнь и Чжэн Пин считали такое поведение отвратительным. Напугать его, точа ножи, было еще мягким наказанием.

Чэн Баоли вышла из дома, держа на руках маленького Хань И, и громко рассмеялась:

— Испугал ты этого негодяя!

Хань И, извиваясь на руках, кричал:

— Негодяй! Негодяй!

<http://bllate.org/book/16484/1497930>